

Глава 4.

Петра Паркер сидела, забравшись с ногами на кровать, одетая в светлого цвета пижаму с облачками, и непроизвольно прокручивала события дня, который нещадно подходил к своему концу. Тётушка Мей и дядя Бен уже несколько часов как вернулись с работы. Они все вместе поужинали макаронами с порезанными сосисками, что приготовила Петра, попутно расспрашивая девочку о прошедшем дне. А рассказать было о чем, вот только сама Паркер всё ещё не знала, как относиться к произошедшему сегодня.

С самого детства Петра росла очень сообразительной девочкой. Родители, видя, что их дочь впитывает знания словно губка, будучи сами учеными, решили с раннего возраста прививать ей любовь к науке. Мери Паркер могла часами в игровой форме обучать девочку алфавиту, чтению, счёту, рассказывать интересные факты, которых сама знала множество, пока отец семейства во всю вкалывал над очень важным проектом, работа над которым и позволяла его жене полностью посвятить себя дочери, при этом не переживая, что в один день у них закончатся средства к существованию. Мери не знала над чем точно работает её муж, ведь тот подписал контракт о неразглашении. То немного, что знала женщина, сводилось к жалкой парочке фактов: первое, Ричард, отец Петры, работал на военных и, второе, если у него всё получится, то мир уже никогда не будет прежним. Женщина переживала, но прекрасно понимала, что поделать ничего не может – сама такая же: увлечённая, жаждущая изменить мир учёная.

Благодаря матери, Петра росла не по годам умной и образованной. В два года она уже могла довольно бегло читать и, хоть и не очень аккуратно, но писать, не говоря уже об умении считать. К трём годам девочка уже сама выбирала литературу, предпочтя сказкам учебники по начальному введению в физику и математику. К сожалению, жизнь жестока и зимой, когда Петре уже было четыре года, девочка в одночасье осиротела.

Для Петры новость о смерти родителей стала самым страшным испытанием, с которым за свою короткую жизнь столкнулась девочка. В один день потерять самых дорогих и близких людей, которые были с ней с самого первого вдоха... Это страшно. Тяжело осознавать, что мама, которая ещё вчера укладывала спать, целуя на ночь, больше не вернётся. Она больше никогда не поцелует, никогда не скажет, что гордится, когда Петра в очередной раз прибежит похвастаться ещё одной прочитанной книгой. Никогда больше не обнимет и не утешит, когда грустно и страшно... Никогда больше. Она умерла. Ушла навсегда. Как и отец, колючую щетину которого девочка так не любила, когда тот приходил поцеловать её на ночь, а сейчас... Сейчас ей хотелось отдать всё что угодно, лишь бы ощутить на своей щеке то неприятное ей ранее чувство, когда щетина папы слегка скребла нежную кожу на её лице. Но этого уже никогда не будет.

Петра много плакала. Не помогали ни теплые объятия тети Мей, ни крепкие дядя Бена, ни слова утешения. Сами же опекуны, которыми стала семья старшего брата отца, попросту не знали, как объяснить девочке истину, что и не все взрослые готовы принять.

«Дерьмо случается, но на этом жизнь не заканчивается. Нужно жить дальше, как бы больно ни было».

В один миг от жизнерадостной и весёлой маленькой девочки осталась лишь бледная тень. Мей и Бен, сами переживая утрату, всячески старались поддержать Петру. У них не было собственных детей – не получилось ещё, хотя и старались, но рождение племянницы стало одним из самых светлых моментов в их жизни, отчего они ни секунды не задумывались, оформляя опеку. Бен задался целью дать Петре прекрасное воспитание, подобно тому, как это делали Ричард и Мери. И хоть он и не был гением, как его брат и невестка, но старался как мог. В конце концов, им удалось вывести девочку из той бездны, куда утянула её смерть родителей. Не сразу, по маленькому шажочку за раз, но им удалось.

Шло время и девочке стукнуло пять лет. Как и всем детям, ей предстояло отправиться в подготовительную школу. Бен и Мей сильно переживали по поводу состояния племянницы – хоть той и удалось справиться с утратой, но Петра словно закрылась от мира в своеобразную скорлупу, сквозь которую стала пускать лишь самых близких. Такое состояние казалось опекунам не совсем нормальным, отчего они опасались за будущее девочки, ведь друзей или даже знакомых она так и не завела, не смотря на попытки Мей подтолкнуть девочку к этому.

Ещё одной проблемой стала нестабильная ситуация в стране, из-за которой Бен потерял свою работу и ему пришлось срочно искать новую, отчего времени на племянницу откровенно не было. Мей не сильно отличалась от мужа и всё больше и больше времени начинала проводить на работе. К счастью, подобная обстановка не должна была затянуться на долго.

Подготовительная школа для Петры была, честно сказать, пустой тратой времени. Девочку не чему было там учить и ей оставалось лишь помогать другим разбираться с материалом. Но на этом у девочки и случился затык – Петра банально не понимала, почему то, чему их тут «учили», было непонятно подавляющему большинству класса?! Она ведь это прошла ещё в два-три года! Как можно в пять лет сидеть и читать по слогам, а на банальный вопрос «сколько будет дважды два» не знать ответа! И ведь это были не единичные случаи...

Дядя Бен говорил, что Петре важно завести друзей в школе, и чтобы она хотя бы попробовала это сделать. Но видя столь большую разницу между собой и ними, девочка попросту не понимала, как ей это сделать. Она пыталась помогать и насколько могла, объяснять непонятные моменты одноклассникам, думая, что если сможет им помочь, то возможно так они подружатся. К слову, желание это возникло не только из-за слов дяди. Сама Петра, видя, как другие дети весело проводят время, бегают, играют, общаются, захотела так же. Разве она чем-то хуже? Но как это сделать? Как ей подружиться с другими? Петра судила по себе, потому как с детства к ней прививали любовь к знаниям, отчего девочка попросту не понимала, как это так – не любить учиться. Она старалась помогать другим, думая, что так у неё получится найти друзей.

Как же она ошибалась...

В ответ на помощь, девочка получала лишь злобные фырканы от одноклассников. «Заучка четырёхглазая!» — бурчали они, когда Петра, в очередной раз ломала себе мозг, придумывая

как объяснить элементарные вещи. Она старалась исправлять неправильные ответы других детей, старалась рассказывать интересные факты, как это делала мама для неё, старалась делать хоть что-то... Но дети не понимали её стремлений, не понимали её мотивов, нет, они думали, что она специально хочет выделиться на их фоне. Дети жестокие существа...

Девочку начали задирать одноклассники. Кто-то глупо и обидно шутил, кто-то старался не замечать «прилипалу». А один раз девочка, у которой было очень плохо со сложением и вычитанием, после того как Петра решила поправить её, подошла к ней на перемене и начала высказывать, что они все думают по поводу «зазнавшихся четырехглазых», после чего толкнула, хотевшую объясниться Петру. Паркер упала и больно ударилась спиной о стул. Непривыкшая и, откровенно говоря, не понимающая такого отношения девочка сделала, на её взгляд, самую большую ошибку в своей жизни – рассказала всё учителю.

Это была фатальная ошибка. Если раньше Петра хоть как-то общалась с одноклассниками, то после того, как родителей Джинны Томпсон вызвали в школу... В одно мгновение Паркер стала парией. С Петрой больше не разговаривали, старались игнорировать, либо глумились, обзывая «ябедой», «четырёхглазой дурой» и прочее.

Подобное повторялось изо дня в день. Паркер старалась не унывать, старалась хоть как-то исправить положение, но всё это приводило лишь к более печальным последствиям. Все попытки делали лишь хуже, а сама Петра лишь сильнее замыкалась в себе. К концу учебного года Петра вновь стала напоминать лишь бледную тень себя былой. Она поняла, что отличается от других, поняла, что то, что нравится ей не нравится другим. Поняла, что любые её попытки измениться – бесполезны. Они будут приводить лишь к новым насмешкам и обзывательствам. К шести годам Петра Паркер поняла, что никому кроме дяди и тёти она не нужна.

Но насколько сильно она смогла себя в этом убедить, настолько же сильно было её изумление, граничащее со ступором, когда, опоздав на автобус в последний учебный день появился он.

С самого утра у Петры было не самое лучшее настроение. Вчера дядя предупредил, что как бы ему не хотелось, но он не сможет забрать племянницу из школы. Вообще, отношения с дядей и тётей у Паркер были очень теплыми. Они помогали ей, были рядом в самое тяжелое время, приютили и всем сердцем любят её, и она это понимала. Всё же смерть близких заставляет повзрослеть, так что Петра понимала немного больше, чем должен ребёнок её возраста.

Дядя Бен извинялся, что не сможет её забрать, но Петра не винила его, понимая, что бросить работу он не может. Так что, улыбнувшись, она сказала:

— Ничего страшного, дядя Бен. Я понимаю. Я уже взрослая, не переживай!

Потом, в школе, у неё были двойные чувства – с одной стороны она была рада, что всё это наконец закончилось, с другой же стороны, что-то неприятно сжималось в груди и девочка не

понимала от чего: то ли от того, что ей так и не удалось завести друзей, то ли о того, что она вдруг осознала, всё это – лишь начало.

Петра старалась вести себя тихо, не рваться отвечать, не стараться кому-то помочь, если учитель прямо об этом не попросит, а если и попросит, то помочь лишь самым минимумом. Хотя в глубине души девочка надеялась, что, вот прозвенит звонок, занятия закончатся, к ней подойдут одноклассницы и скажут, дескать, всё это была проверка, которую она, Паркер, прошла и теперь они готовы стать её друзьями. Маловероятно, конечно, но девочка надеялась на это до последнего... Ровно до того момента, пока Джина со своими подружками не отобрали у неё портфель, кинув его в мусорную корзину и заперли её в туалете, подперев дверь шваброй уборщицы, которая куда-то ушла, оставив свой инвентарь у туалета младшекласников. Именно это стало последней каплей и девочка, которая после смерти родителей больше не плакала, разревелась в три ручья. Одна, запертая в кабинке туалета, Петра наконец поняла, что все её глубоко запрятанные надежды и мечты – лишь пустой звук. И это заставило платину эмоций дать трещину, которая, подобно домино, костяшка за костяшкой, начала рушиться. Одна за другой.

Через пятнадцать минут, когда девочка уже немного успокоилась, появилась уборщица, которая и открыла дверь, вызволяя Петру из западни. На вопросы засуетившейся женщины у Паркер не было желания отвечать, так что она попросту сбежала. Петра убежала на улицу, где умылась у фонтанчика для питья, привела себя немного в порядок и пошла к автобусу, который, как оказалось уже уехал. Только успокоившаяся девочка готова была разреветься второй раз. Всё внутри неё едва ли не кричало, задавая один и тот же вопрос:

Почему она?

За что всё это? Почему такое происходит с ней? Почему... Разве она хуже других? Почему жизнь с ней так несправедлива?!

И, когда казалось, что ещё чуть-чуть и предательские слёзы вновь найдут себе дорожку, её окликнул голос:

— Эй, с тобой всё нормально?

Дальнейшее было похоже на какой-то сон, от которого не хотелось просыпаться. Мальчик, впоследствии представившийся Томом, взял её за руку и не обращая внимания на оторопь, утащил в машину. Не зная, как реагировать, Петра постоянно смущалась, хоть и коря себя внутренне за это, но никак не могла заставить себя посмотреть на мальчика, боясь, что всё это сон и стоит лишь немного поверить, как она очнётся и всё это пропадёт, вместе с остатками сна. Потом он спросил её о Капитане Америка и Петра не удержалась. Стефани Роджерс занимала в сердце девочки одно из центральных мест, после родителей и дяди с тётей, конечно. Паркер мечтала, что когда-нибудь она станет такой же, нет, даже лучше! И тогда у неё будет много друзей...

Пришла Петра в себя, когда дверь в машину открылась и туда залезла другая девочка. И

взгляд её не понравился Паркер. Что-то в нём заставляло девочку нервничать и когда запаниковавшая Петра уже готова была бросить всё и сбежать, Том спас ситуацию. Оказалось, что эта светловолосая девчонка – сестра Тома. Но хоть все и разрешилось более-менее спокойно, но что-то внутри Паркер сжималось, под странным и непонятым взглядом Фелиции, который тут же устремлялся в окно, стоило Петре заметить его.

Всё дальнейшее отдавало каким-то сумбуром. Том, не слушая возражений сказал, что они довезут её, Петру, до дома, но в начале заедут пообедать. Пришлось соглашаться, в очередной раз смущаясь, только уже от предательского урчания собственного живота. Паркер странно себя чувствовала рядом с этим необычным мальчиком. Он был совершенно не похож на одноклассников – нормально общался, не обзывал, не смеялся над ней и её очками, слушал, отвечал и, казалось, нисколько не терялся, когда Петра случайно начинала использовать термины из книг. А вот о Фелиции такого сказать было нельзя, но и тут Том удивил её. Он быстро и просто объяснял незнакомые сестре слова, да так, что даже сама Петра поражалась, понимая, что значения некоторых слов и сама понимала не до конца верно.

Во время пути к забегаловке, Том немного рассказал о себе и сестре. Оказалось, что не одна Петра потеряла родителей, Тома и Фелицию постигла похожая участь. Только у них умер отец, а не мама и папа.

Казалось, каждая проведённая в компании брата и сестры минута заставляла Паркер оживать, расцветая красками, как чёрно-белая фотография, которую принялся раскрашивать опытный художник. Мазок за мазком.

В Макдональдсе девочка сначала хотела отказаться и заказать лишь маленькую картошку фри, дабы не сильно стеснять и так уже много сделавших ребят, но Том, в очередной раз не став слушать не особо удачные протесты со стороны Петры, сам заказал ей ещё и бургер с соком, такие же позиции достались и ему самому с сестрой. Женщины, которых Том назвал телохранительницами, так же не остались у борта и сделали заказ, но уже самостоятельно. Вот так, под бургеры, сок и картошку фри продолжилось общение, а девочка дала себе обещание, что расплатиться с карманных денег, что ей выделяли дядя с тётей. Нужно лишь было до дома добраться.

И вот, когда после сытного обеда машина доехала до дома Петры, девочка попросила подождать, сказав, что сейчас сбегает за деньгами и расплатиться за себя, но тут произошло то, чего так хотела и одновременно боялась Петра.

— Деньги? Зачем? — забавно приподняв одну бровь спросил Том.

Петра замялась.

— Но вы же потратили их на меня... А я... Мы... — и почему именно сегодня у Петры не получается правильно донести свою мысль, а глаза так и норовят разглядывать асфальт?

И вот, тогда прозвучала та самая фраза, которую Петра не раз прокручивала в своей голове

за оставшийся после прощания с Томом день:

— Петра, какие деньги? Мы же друзья!

— Д-друзья? — внутри неё всё содрогнулось.

— А разве нет?

— Н-но ведь...

— Друзья. — кивнул сам себе парень, не став в очередной раз слушать возражения Петры, а потом широко улыбнулся и продолжил, — А ведь друзья обычно знают номера телефонов друг друга, а я твой ещё не знаю...

Если Петра раньше думала, что находилась в раздразе, то сейчас уже и не знала, как назвать это состояние. В один момент в её жизнь ворвался, подобно урагану сметая любые преграды, вернее абсолютно их не замечая, Том Харди. Её первый друг...

<http://tl.rulate.ru/book/760/13855>